

С нашим прославленным певцом Евгением Евгеньевичем Нестеренко я встретился в старинном бельгийском городе Генте. Здесь, в здании музыкального театра, он исполнял партию короля Филиппа в опере Дж. Верди «Дон Карлос».

Гент имеет прямое отношение к сюжету этого произведения. Оно начинается и заканчивается сценами у могилы испанского короля Карла V, который короновался как раз в Генте. Через всю оперу проходит мысль об освобождении Фландрии от испанского господства. И именно Гент стал в далекие времена одним из очагов фламандского сопротивления войскам, направленным королем Испании...

Наша беседа состоялась в день очередного спектакля.

— Я был приглашен в эту страну Фламандской оперой, у которой две сцены, причем в разных городах. Сначала спектакли проходили в Генте, а потом в Антверпене. Естественно, зрительные залы отличаются акустикой, архитектурным оформлением. Не скрою, певцам непросто в короткое время приспособиться к разным сценам. В течение месяца мы репетировали поочередно в Антверпене и Генте. Только привыкнешь к одному зрительному залу, как вскоре приходится выступать в другом. Состав исполнителей интернациональный — певцы из Бельгии, Болгарии, Венгрии, Голландии, России, США. Мне кажется, публика довольна — во всяком случае, театр всегда полон.

— А как складывается ваша творческая деятельность в России?

— Я по-прежнему пою в Большом театре, остаюсь его солистом, что считаю для себя большой честью. К сожалению, из-за болезни выступал в нынешнем сезоне не так часто. А в прошлом пел в двух премьерах — «Князе Игоре» Бородин и «Алеко» Рахманинова. Тогда же отметил 30-летие своей творческой деятельности, а 1 сентября будущего года исполнится 25 лет, как я пою в Большом театре.

— Как вы относитесь к тому, что все больше наших певцов покидают Россию?

Конечно же, тяжело видеть отток творческих сил из страны. Это, прямо скажу, катастрофическое явление для отечественного искусства. И в то же время можно понять тех, кто отправляется за границу. Им хочется мир посмотреть и себя показать. С другой стороны, люди уезжают по финансовым соображениям. Возьмем, к примеру, артистов Большого театра —

ников, исполняющих главные партии в оперных спектаклях. Здесь, в Генте, в «Дон Карлосе» партию королевы Елизаветы поет венгерская певица Денди Лукач, которой я когда-то помог поступить в Московскую консерваторию.

— Сказалось ли трудное время, которое переживает наше искусство, на посещаемости театров?

— С грустью смотрю на то, что

должаете заниматься с молодыми певцами...

— Я горжусь русской вокальной школой и всячески стремлюсь пропагандировать, «экспортировать» ее. Вот уже в течение многих лет веду курсы мастерства в Австрии, Венгрии, Германии, США, Финляндии, Японии, других странах. При этом всегда помню о том, как трудно утверждался авторитет русского баса за рубе-

исполнил массу партий. Например, того же Филиппа из «Дон Карлоса» могу сразу, без подготовки, исполнить хоть на русском, хоть на итальянском языке.

— Тогда позвольте спросить, почему у нас оперы иностранных композиторов исполняются в основном на русском языке, а за границей — на языке оригинала?

— Это вовсе никакое не изобретение советского периода. Такова была традиция еще российских императорских театров, где все оперные спектакли исполнялись на русском языке. В то же время Михайловский театр — ныне Малый оперный им. Мусоргского — был «французским»: там пели и играли только на этом языке. Существовали в России и итальянские оперные труппы. Я — не горячий сторонник того, чтобы нарушать эту традицию. Считаю не совсем оправданным то, что в Большом театре поставили оперу «Свадьба Фигаро» Моцарта на итальянском языке. Когда-то она была переведена на русский самим Чайковским. Именно благодаря ему мы произносим сегодня слова из арии Фигаро: «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный...». Да и за рубежом далеко не всюду поют на языке оригинала. В глумбинке, в той же Германии, все оперы исполняются на немецком.

— Евгений Евгеньевич, мы знаем вас как блестящего исполнителя партий Бориса Годунова, Ивана Сусанина, Филиппа, Кончака, Руслана. Наверняка эти роли дороги и вам. Но есть ли у вас мечта? Что бы хотели спеть еще?

— Мечтаю выступить в опере Массне «Дон Кихот», написанной специально для Шалаяпина. Он исполнил партию Дон Кихота еще в начале века. Сейчас эта опера редко ставится. Можно было бы показать где-нибудь на Западе. Но мне хочется, чтобы ее услышали в России. К сожалению, нет хорошего перевода либретто на русский язык. Но мне так хочется, чтобы ее услышали в России, что попробовал перевести сам, тем более что раньше занимался этим. Знаю, что это огромная работа. И все же, думаю, мечта сбудется.

Беседу вел
Никита ШЕВЦОВ,
соб. корр. «Труда».
БРЮССЕЛЬ.

Евгений НЕСТЕРЕНКО:

«ХОЧЕТСЯ ПОБЫТЬ НЕМНОГО ДОН КИХОТОМ»

В сегодняшней России даже за трансляцию собственного концерта артист должен платить сам

главного храма нашего оперного искусства. Работая только в нем, подчас просто трудно свести концы с концами. Поэтому неудивительно, что сейчас многие в театре ищут дополнительные заработки. У каждого артиста свое собственное решение личной творческой судьбы. Одни уезжают за границу, другие, оставаясь в России, стараются выступать и в других театрах либо участвовать в различных концертах. Я тоже не отказываюсь от гастролей.

Я много лет преподавал в Московской консерватории, возглавлял там кафедру сольного пения. Сейчас временно приостановил свою педагогическую деятельность. И знаете, почему? Мне тяжело видеть, как, часто недоучившись, разбегаются по всему миру мои воспитанники. В Москве они обычно не находят ни работы, ни жилья. Раньше, например, приглашенные в Большой певцы достаточно быстро получали квартиру, что было одной из возможностей привлечь в театр молодые таланты. Теперь же нам предлагают искать певцов только в Москве и Подмоскovie...

И все же бывает приятно, когда встречаешь за рубежом своих уче-

теперь Большой театр, равно как и Большой зал консерватории, не всегда бывает полон. И дело не в том, что зритель остыл к оперному, вокальному искусству. Наоборот, люди мечтают попасть в Большой театр, но не имеют материальных возможностей приобрести билеты. Многие поклонники моего искусства не могут услышать меня. И если раньше они просили достать билеты на мои спектакли, то теперь обращаются с просьбой провести бесплатно. В прошлом году в мае и декабре у меня состоялись два сольных концерта в Большом зале консерватории. В прежние времена такие выступления обязательно снимались телевидением. Одновременно производилась радиозапись. Теперь же мне сказали, что я сам должен заплатить за то, чтобы концерты были показаны по телевидению. Слава Богу, нашелся спонсор, и майский концерт был все-таки снят. Печально, что руководство телевидения и радио отворачивается от вокального искусства. Разве только радиостанция «Орфей» сохраняет верность классической музыке.

— Хотя вы не преподаете сейчас в Московской консерватории, но, тем не менее, про-

жом. Вплоть до 60-х — 70-х годов о нем, за исключением творчества Шалаяпина, знали лишь по записям. Только, насколько помню, в середине 50-х годов Александр Пирогов сумел спеть во Флоренции в «Борисе Годунове». Вслед за ним во Франции с успехом выступал Иван Петров. Можно сказать, он пробил стену, отделявшую русский бас от остального музыкального мира.

Мне же удалось появиться на западной сцене благодаря состоявшимся в 1977 году гастролям Большого театра в Италии, которые проходили в миланском театре Ла Скала. Я исполнил партию Руслана и некоторые другие. Успех был очень большим. Потом меня пригласили выступить в Италии в опере «Моисей» Россини. Во время репетиции в Риме в зал вошел только что назначенный художественным руководителем театра Ла Скала Франческо Сичилиани. В перерыве он сказал мне: «Мальчик, ты должен петь в Ла Скала». Мои первые индивидуальные гастроли в этом театре состоялись в 1977 году. Естественно, после Ла Скала открылись двери других зарубежных оперных театров, в которых я по многу раз